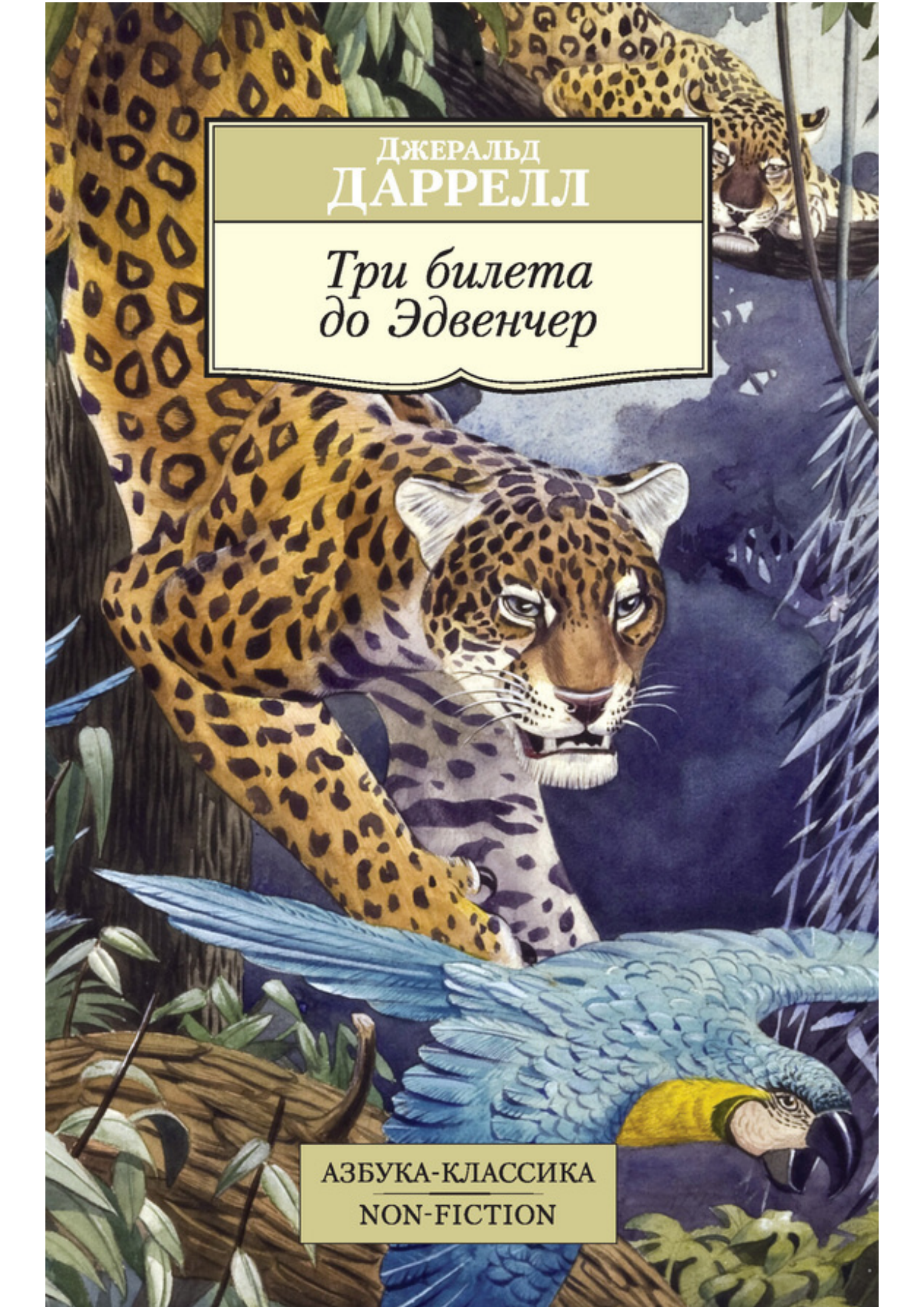

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

*Три билета
до Эдвенчер*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-Классика. Non-Fiction

Джеральд Даррелл
Три билета до Эдвенчер

1954

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Три билета до Эдвенчер / Д. Даррелл — 1954 — (Азбука-Классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-13070-8

В книге известного английского писателя и натуралиста Джеральда Даррелла (1925–1995) рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану, которое автор предпринял в 1950 году в поисках редких животных, обитающих в этом первозданном уголке природы, «стране воды», полной бурных рек, водопадов и непроходимых тропических лесов. О своих впечатлениях от Южной Америки, ее фантастической природы, о встречах с новыми животными, их повадках, забавном и порой очень трогательном общении с ними автор пишет с неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором великолепного рассказчика.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13070-8

© Даррелл Д., 1954

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава I	11
Глава II	19
Глава III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джеральд Даррелл

Три билета до Эдвенчер

Gerald Durrell

THREE SINGLES TO ADVENTURE

Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»

Copyright © 1954, Gerald Durrell

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© В. Смирнов (наследники), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Роберту Лоузу
в память о змеях, ленивцах
и южноамериканских седлах*

Предисловие

В этой книге рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану¹, которое я предпринял вместе с моим компаньоном Кеннетом Смитом. По заказу нескольких английских зоопарков мы отправились добывать птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и рыб, обитающих в этом уголке Южной Америки.

Существует ошибочное мнение, будто поимка животных – самая трудная часть работы зверолова и, как только животные пойманы и рассажены по клеткам, работа в основном закончена. В действительности же только после этого и начинается настоящая работа: ведь, поймав животное, надо кормить и по всем правилам содержать его, а это в большинстве случаев нелегкая задача.

В путешествии такого рода со звероловом приключается такое, чего и нарочно не придумаешь. Одни приключения кажутся забавными, от других душа в пятки уходит, третьи в высшей степени раздражают. Но все они лишь яркие вехи среди месяцев забот и труда, к которым сводится работа зверолова. А вот сядешь писать книгу об очередной поездке – и все заботы, неприятности и разочарования словно изглаживаются из памяти, и на бумаге остается лишь веселое и приятное. Так невольно создаешь превратное представление о профессии зверолова, и она начинает казаться сплошь захватывающей увеселительной прогулкой, ярким и волнующим занятием. И иногда она действительно такова, хотя в большинстве случаев это гнетущая, полная разочарований и разбитых надежд, дьявольски тяжелая работа. Но одного у нее не отнимешь, одно преимущество она имеет перед всеми другими профессиями: ее никогда, ни при каких обстоятельствах не назовешь скучной.

¹ С мая 1966 г. независимое государство Гайана. – *Примеч. ред.*

Пролог

Мы сидим вчетвером в крохотном баре на задворках Джорджтауна, пьем ром и имбирное пиво и решаем головоломку. На столе перед нами большая карта Гвианы; и время от времени кто-нибудь из нас наклоняется и, свирепо нахмурясь, вонзает в нее взор. Задача состоит в том, чтобы из великого множества интригующих названий на карте выбрать одно, которое могло бы послужить отправным пунктом для нашей первой вылазки в глубинные районы страны. Вот уже часа два мы бьемся над этой проблемой, но еще ни к чему не пришли. Я не свожу глаз с карты: вот они, эти реки и горные цепи с чудесными названиями вроде Меруме, Мазаруни, Кануку, Бербисе, Эссекибо.

– Как насчет Нью-Амстердама? – спросил Смит, как нарочно выбрав на карте самое банальное название.

Меня всего так и передернуло от отвращения, Боб ожесточенно затряс головой, во взгляде Айвена появилось идиотски-отсутствующее выражение.

– Ну а Мазаруни?

– Болото, – исчерпывающе высказался Боб.

– Гвиана, – исступленно продекламировал я по путеводителю, – на языке местных индейцев означает «страна воды».

– Но ведь можно же что-нибудь выбрать так, чтобы все остались довольны, – с раздражением сказал Смит. – Мы торчим здесь уже несколько часов. Решайте, ради бога, да и на боковую.

Я взглянул на Айвена: последний час он был явно не в себе, не внес ни одного предложения!

– Ты как думаешь, Айвен? – спросил я. – В конце концов, ты родом из здешних мест, тебе и знать, где лучше ловить животных.

Айвен вышел из транса, и по его лицу расплзлось виноватое выражение, как у сенбернара, который не на место положил свой хвост.

– Ну что же, сэр, – изрек он своим невероятно культурным голосом, – по-моему, вы не прогадаете, если отправитесь в Эдвенчер².

– Куда-куда? – переспросили одновременно мы с Бобом.

– В Эдвенчер, сэр. – Он ткнул пальцем в карту. – Это небольшая деревня вот здесь, возле устья Эссекибо.

Я поднял глаза на Смита.

– Едем в Эдвенчер, – твердо сказал я. – Это просто невозможно – не побывать в месте с таким названием.

– Ладно! – сказал мой компаньон. – Вопрос исчерпан. Можно завалиться спать?

– Он просто бесчувственный, – с горечью отозвался Боб. – Слово «Эдвенчер» ему ничего не говорит.

Попасть в деревню с таким интригующим названием оказалось легче, чем я предполагал: стоило лишь спуститься к Джорджтаунской пристани и взять билеты. На мой взгляд, было что-то кощунственное в том, что в наши дни можно взять билет до Эдвенчер да еще начать свое путешествие туда на огромном уродливом пароме. Отправиться в путь в каное со свирепого вида воинами-гребцами – это еще куда ни шло, думалось мне.

Так или иначе, в одно прекрасное утро такси доставило на причал нас и наш странного вида багаж. Предоставив своим спутникам спорить с шофером о справедливой плате за проезд, я подошел к кассе и произнес магические слова.

² Эдвенчер (Adventure) – по-английски «приключение». – *Примеч. пер.*

– Три билета до Эдвенчер, пожалуйста, – сказал я, напуская на себя как можно более непринужденный вид.

– Слушаю вас, сэр, – ответил кассир. – Первый класс или второй?

Это было слишком; мне показалось подозрительным уже одно то, что до Эдвенчер можно взять билет, ну а раз речь пошла о классах, тут я вообще засомневался, стоит ли туда ехать. Не иначе как это процветающий морской курорт, с кинотеатрами, закусочными, новыми рекламами и прочими сомнительными атрибутами цивилизации, подумалось мне. Я обернулся: на причал, шатаясь под ворохом наших пожитков, всходил Айвен. Я подозвал его и попросил разрешить щекотливый вопрос. Он объяснил, что путешествовать вторым классом – значит ехать где-нибудь внизу, в тесном трюме парома, а затем в трюме речного парохода. Билет же первого дает право сидеть в ветхом шезлонге на верхней палубе парома, а на пароходе можно будет даже получить завтрак. Это меня убедило, и я взял три билета первого класса до Эдвенчер.

Жутковато-непонятной кучей свалили мы на палубе наше снаряжение, и вот уже паром, мерно подрагивая в такт работе машины, пересекает кофейно-коричневый простор Демерары. Облокотясь о перила, мы с Бобом разглядывали маленьких чаек, которые с печальным видом кружили за кормой. И тут обнаружилось, как мало Боб представляет себе то, что ждет его впереди.

– Я так рад, что мы расстались с Джорджтауном, – вздохнув, сказал он, рассеянно очищая банан и бросая кожуру пролетающей чайке. – Как хорошо снова забраться в глушь и не чувствовать себя пленником в четырех стенах. Где, как не в глуши, человек обретает покой и удовлетворенность собой?

Я промолчал. Не спору: забравшись в какой-нибудь медвежий угол, можно отлично отдохнуть, но вот имеет ли Боб хоть малейшее представление о том, что значит залезть в глушь в одной компании со звероловом? Судя по его замечаниям, он полагал, что ловить зверей – это знай полеживай себе в гамаке, а звери сами пойдут к тебе в клетки. Я решил не разочаровывать его на этот счет до тех пор, пока мы не отъедем подальше от Джорджтауна.

Боб был художник и хотел писать картины из жизни индейских племен. Когда он приехал в Гвиану, оказалось, что места, в которых он намеревался побывать, сплошь затоплены, а реки просто непреодолимы. Так он и сидел, словно Ной, в Джорджтауне, ожидая, пока схлынут воды потопа, и тут повстречался с нами. Узнав, что я вскоре отправляюсь вглубь страны, он с похвальной наивностью набился мне в попутчики. Дескать, уж лучше проехать по стране со звероловом, чем безвылазно сидеть в Джорджтауне, а к тому времени, как мы вернемся, паводковые воды, наверное, спадут, и он сможет спокойно отправиться писать индейцев.

К сожалению, этой мечте Боба не суждено было сбыться: все свое время в Гвиане он провел, сопровождая меня в моих поездках. Ему никак не удавалось дорваться до кисти и полотна, а под конец уж не осталось до чего дорываться: мы забрали у него все полотно на ящики для змей, которых отправляли в Англию самолетами. Ему приходилось есть и спать в окружении самых фантастических птиц, зверей и пресмыкающихся; весь в синяках и царапинах, усталый и разгоряченный, он был вынужден перебираться через реки и озера, переходить вброд болота, продираться сквозь чащу леса и непролазь густых степных трав. В тот роковой день, когда мы выехали в Эдвенчер, я предвидел все это, но сам Боб никакого подвоха с моей стороны явно не подозревал.

Солидно попыхивая, паром пристал к каменному причалу на том берегу Демерары, и мы принялись как попало сгружать наш багаж, проще говоря, швырять его через перила Айвену, стоявшему внизу. Когда мы покончили с разгрузкой и, сойдя с парома, присоединились к Айвену, какая-то мрачная фигура отделилась от бочки, на которой она сидела, и двинулась к нам.

– Вы не на поезд в Парику? – спросила фигура.

Я подтвердил, что именно таково наше намерение, если только мы изыщем возможность доставить наш багаж на станцию.

– Тогда вам надо поторопиться... Поезд должен был уйти десять минут назад, – не без скрытого злорадства сообщила фигура.

– Боже мой! – в ужасе воскликнул я. – А далеко ли до станции?

– Около полумили, – отвечала фигура. – У меня есть тележка.

И с этими словами она исчезла.

– Что, если мы не попадем на поезд, Айвен? Будет ли еще один?

– Нет, сэр. Если мы упустим поезд, другого придется ждать до завтра.

– Как? Ждать здесь? – воскликнул Боб, оглядывая топкий речной берег с двумя-тремя одиноко стоящими полуразвалившимися сараями. – А где же мы будем спать?

Не успел Айвен вразумить его, как неизвестный появился вновь. Он бежал к нам вразвалку, волоча за собой допотопную тележку.

– Надо торопиться, – задыхаясь, проговорил он. – Кажись, поезд уже отходит.

Мы лихорадочно наваливали багаж на тележку, а издали доносилось пыхтение и свист: паровоз разводил пары. Очертя голову мы бросились по дороге на шум, тележка грохотала за нами, ее тащили Айвен и запыхавшийся владелец. Мокрые от пота, едва переводя дух, мы галопом ворвались на станцию, возбудив величайший интерес странного вида личностей, слонявшихся по платформе. Они приветствовали наши разгоряченные, взъерошенные персоны насмешливым свистом, который сменился радостным улюлюканьем, когда наша тележка наткнулась на камень и чуть ли не весь багаж вывалился на землю. Поезд тронулся. Нечеловеческим усилием мы швырнули последний ящик в вагон, и я еще успел высунуться из окна и бросить горсть мелочи нашему спасителю, который, не помня себя от горя, бежал за составом, умоляюще вытянув перед собой руки.

Малюсенький паровозик мужественно катил между влажно мерцающих рисовых полей и островков леса, таща за собой вереницу обшарпанных вагончиков и временами набирая прямо-таки отчаянную скорость – двадцать миль в час. Ландшафт был сочно-зелен, словно его только что протерли и обмыли специально для нас. Повсюду, куда ни кинь взгляд, были птицы. Искрящиеся белые цапли торжественно выступали по коротеньким нежно-зеленым всходам риса; с оросительных каналов, испещренных водяными лилиями, при приближении поезда взлетали яканы, внезапно ослепляя глаз лютиковой желтизной крыльев; в небесной синеве вырисовывали свои величавые арабески коршуны-слизнееды, а в кустах без конца порхали стаи красногрудых трупялов, и их алые грудки вспыхивали огнем на зеленом фоне.

Ландшафт, казалось, был до отказа набит птицами, куда ни глянь – видишь либо цапель, а под ними, в воде, их мерцающие отражения, либо длиннопалых якан, мелко семенящих по листьям водяных лилий, либо желтоголовых трупялов, выглядывающих из стены тростника. У меня глаза заломило от всех этих цветковых пятен, пестрого трепыхания крыльев в тростнике и их стремительного скольжения над полями.

Боб мирно почивал в уголке купе, а Айвен пропадал где-то в недрах кондукторского отделения, так что я один любовался этим парадом птиц. Но вот поднялся свежий ветер, он затянул дымкой воды каналов и старательно задувал в купе сажу и гарь, гордо извергаемые трубой паровоза. Окно пришлось закрыть; судя по его виду, оно как было вставлено, так ни разу и не протиралось. Лишившись возможности созерцать окрестности, я по примеру Боба задремал. Наконец последним героическим усилием поезд втащился в Парику, и, тяжело топя спросонок одеревенелыми ногами, мы сошли на платформу. Тут обнаружилось, что пароход, храня почти немыслимую для тропиков верность расписанию, уже стоит у причала и громко капризно гудит, заявляя о своем намерении тронуться в путь. Мы поспешили на

борт и опустились в шезлонги, превознося предусмотрительность Айвена. Пароход затарахтел, затрясся, отошел от Парики и устремился вперед по темным волнам Эссекибо, лавируя в лабиринте небольших зеленых островков. Мы сидели в шезлонгах, дремали, жевали бананы и любовались красотой многочисленных островков, проплывавших мимо. Тут нас пригласили на завтрак в крошечный буфет, а потом, набив желудки, мы вернулись на солнцепек в свои шезлонги. Только я снова задремал, как Боб грубо растолкал меня:

– Джерри, хватит спать... Ты упустишь чудесное зрелище.

Пароход, очевидно обходя мель, чуть ли не вплотную притерся к берегу, так что нас отделяли от густого подлеска каких-нибудь пятнадцать футов воды. Еще как следует не проснувшись, я тупо уставился на деревья.

– Ничего не вижу. В чем дело?

– Вон там, на ветке... Видишь, задвигалась, неужели не видишь?

И тут я увидел. В ярком солнечном свете в гуще листвы сидело сказочное существо – большая ящерица с чешуйчатым телом, окрашенным в самые различные оттенки зеленого – яшмовый, изумрудный и травянистый, – с большой бугристой головой, покрытой крупными чешуями, и с большим волнистым подвесом под подбородком. Ящерица небрежно лежала на ветке, впившись в дерево большими изогнутыми когтями и свесив к воде длинный, как плеть, хвост. На наших глазах она повернула свою украшенную брыжами и наростами голову и спокойно начала объедать молодые листочки и побеги вокруг. Я не верил своим глазам и никак не мог убедить себя в том, что она относится к тому же виду, что и те скучные, впавшие в спячку бесцветные существа, которых в зоопарках выдают за игуан. Когда мы проплывали как раз напротив ящерицы, она повернула голову и окинула нас надменным взглядом своих маленьких, в золотистых крапинках глаз, и все это с таким видом, словно она просто-напросто коротает время в ожидании своего гвианского св. Георгия, который должен прийти и сразиться с ней. Мы глядели на нее как зачарованные, пока за расстоянием ее зеленое тело не слилось с листвой.

Мы все обсуждали игуану, как вдруг появился Айвен. Вид у него был озабоченный.

– Что случилось, Айвен? – спросил я.

– Ничего особенного, сэр. Просто мы прибываем.

Мы с Бобом немедленно перевели взгляд на берег: сплошной полосой зарослей он тянулся до самого горизонта. Только я хотел спросить у Айвена, не ошибся ли он, как пароход миновал небольшую излучину и на берегу показался большой сарай, а из мангров выступил каменный причал. На рифленой железной крыше сарая броскими белыми буквами значилось: Эдвенчер.

Вот мы и приехали!

Глава I

Змеи и сакивинки

Айвен оказался отличным организатором: к вечеру того же дня у нас был собственный дом на главной улице деревни.

Наше жилище представляло собой крохотную деревянную лачугу, изъеденную червями и термитами и не без явной натуги сохранявшую вертикальное положение. Как все дома в Гвиане, она покоилась на сваях и состояла из трех комнат: спальни, столовой и кухни. Стояла она, чуть отступя от дороги, за широкой, заполненной водой канавой, через которую был переброшен ветхий деревянный мосток. Коротенькая, но крутая деревянная лестница, увенчанная небольшим квадратным балконом, вела к входной двери. Такая же лестничка позади дома вела в кухню.

Был вечер. Айвен колдовал на кухне, дразня нас запахом кэрри, так что у всех слюнки текли. Боб мужественно пытался развесить три гамака в комнате, где едва уместился бы и один. Я сидел в сумерках снаружи, наверху шаткой деревянной лестнички. Обложившись со всех сторон книгами и рисунками, я беседовал с местными охотниками, которых вызвал Айвен. Предварительный разговор с местными жителями – очень важная часть работы зверолова. Показывая им рисунки нужных животных, можно многое узнать о местной фауне и о том, редок или обычен в данной местности такой-то вид. К тому же вы имеете возможность назвать цены, по которым согласны брать животных, и таким образом сразу вносите ясность в дело. Охотники Эдвенчер оказались весьма странным и интересным народцем. Тут были два здоровенных негра, толстенький коротышка-китаец с традиционно непроницаемым выражением лица, семь-восемь поджарых индейцев с пронзительно-кариими глазами и нечесаными смоляно-черными копнами на головах и в довершение всего целая куча метисов самых различных цветов и возрастов. Беседе немало мешало то обстоятельство, что я совсем недавно приехал в страну и еще не освоился с местными названиями животных.

– Айвен, вот этот человек берется поймать для меня свинью пимплу! – надсаживался я, перекрывая шипение кэрри и чертыхания Боба, единоборствовавшего с гамаками. – Что такое пимпла? Какая-нибудь разновидность дикой свиньи?

– Нет, сэр, – кричал мне в ответ Айвен. – Пимпла – это дикобраз.

– А что такое киджихи?

– Это мелкое животное с длинным носом, сэр.

– Мангуста, что ли?

– Нет, сэр, крупнее мангусты, с очень длинным носом и кольцами на хвосте. Оно всегда ходит, задрав хвост.

– Угу! – хором подтверждали охотники вокруг.

– Носуха, что ли? – после некоторого размышления спрашивал я.

– Да, сэр, вы угадали, – отвечал Айвен.

И так на протяжении двух часов. Но вот Айвен доложил, что ужин готов, мы отпустили охотников и вошли в дом. При свете миниатюрной «летучей мыши» наша спальня выглядела так, будто кто-то безуспешно пытался превратить ее в цирковой балаган. Канаты и веревки оплетали комнату, словно паутина гигантского паука. Сам Боб потерянно стоял с молотком в руке посреди всего этого хаоса, обозревая хитросплетение гамаков.

– Никак не могу справиться с этими штуками, – уныло проговорил он, когда мы вошли. – Вот противомоскитная сетка к моему гамаку, но, хоть убей, не представляю, куда ее присобачить.

– Не скажу наверняка, но, по-моему, ее надо вешать над гамаком еще до того, как гамак повешен, – горя желанием помочь, высказался я.

Предоставив Бобу самому окончательно решить этот вопрос, я отправился на кухню помогать Айвену раскладывать еду по тарелкам.

Мы расчистили часть стола от свешивающихся порослей веревок и принялись уничтожать отличное кэрри, когда появился мистер Кордаи. Появился он так. Раздался громкий стук в дверь, хриплый голос трижды произнес: «Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи», и мистер Кордаи ввалился в комнату. Это был метис преобладающих индейских кровей, низенький, сморщенный человечек с лицом как у страдающей расстройством желудка обезьяны и кривыми, как бананы, ногами. По первому же взгляду на него было видно, что он изрядно пьян. С сильным креном он вошел в круг света от фонаря и идиотски осклабился на нас, пустив в нашу сторону волну ромового перегара.

– Это мистер Кордаи, сэр, – в явном замешательстве проговорил Айвен своим культурным голосом. – Очень хороший охотник.

– Да, – согласился мистер Кордаи, с жаром тиская мне руку. – Доброй ночи, хозяин, доброй ночи.

По своему джорджтаунскому опыту я уже знал, что «Доброй ночи» употребляется тут, в Гвиане, как приветствие в любое время после захода солнца; привыкнуть к этому было несколько затруднительно. Мы попросили мистера Кордаи присесть и выпить с нами рюмку рома, и он не заставил себя долго упрашивать. Он пробыл у нас час и все это время странно, хотя и несколько сбивчиво, толковал о зверях, которых он ловил в прошлом и намерен поймать в будущем. Я тактично свел разговор к большому озеру в нескольких милях от Эдвенчер. Мы с Бобом жаждали побывать на озере, посмотреть тамошнюю индейскую деревню и исследовать животный мир на его берегах. Мистер Кордаи заявил, что отлично знает озеро. По его словам, в окрестных лесах он не раз вступал в схватки не на жизнь, а на смерть со змеями гигантских размеров и не раз спасался вплавь через озеро от разъяренных зверей, которых он пытался пленить. Моя вера в мистера Кордаи катастрофически упала, но тем не менее после второй рюмки рома мы условились, что наутро он зайдет за нами и проведет нас на озеро. Он сказал, что хорошо бы выйти что-нибудь около шести и проделать самую трудную часть пути до того, как начнет припекать. Заверив нас, что завтра мы наловим кучу зверей, мистер Кордаи распрощался и нетвердым шагом удалился в ночную тьму.

В пять утра мы были на ногах и развернули лихорадочную деятельность, готовясь к походу. В половине восьмого Айвен второй раз согрел нам чаю и послал мальчишку на розыски нашего столь пунктуального проводника. В восемь часов мальчишка вернулся и доложил, что этой ночью мистер Кордаи не ночевал дома и его жена не меньше нас встревожена его исчезновением, хотя, конечно, совсем по другим причинам. В десять стало ясно, что мистер Кордаи забыл про нас, и мы решили прогуляться вокруг деревни и попытаться добыть то, что можно найти без посторонней помощи.

Мы перешли через дорогу и побрели между деревьями. Вскоре мы вышли на песчаное побережье, и перед нами раскрылся простор Атлантики. Я думал, что морская вода будет соленой, но, оказывается, мы находились слишком близко к устью Эссекибо: вода была пресная, загрязненная желтой мутью и обрывками листьев, вынесенными рекой с материка. На песчаных дюнах у берега рос высокий, беспорядочно разбредавшийся во все стороны кустарник и группы корявых деревьев.

Тут были кое-какие пресмыкающиеся: множество анолисов – некрупных грациозных ящериц с большими глазами и тонкими, изящными пальцами. Безобидные и довольно беспомощные, они отчаянно барахтались в песке вокруг кустов и без труда давались в руки. Чахлые деревья густо обросли длинными прядями мха, которые космами седых волос свешивались вниз с сотен нанизанных на ветви париков. Между ветвями в великом множестве

росли орхидеи и другие эпифиты, под самыми немыслимыми углами впиваясь в шероховатую кору своими крошечными корешками. Среди всей этой растительной мишуры мы нашли несколько древесных лягушек, изящно расписанных пепельно-серой филигранью по темно-зеленому фону, – раскраска, прекрасно сочетавшаяся со мхом и листьями орхидей.

По песку вокруг нас, словно большие зеленые ракеты, проносились бесчисленные амейвы, большинство из которых достигало почти двенадцати дюймов в длину. Почему-то решив, что он многое потеряет, если не поймает несколько этих блестящих ящериц, Боб с дикими криками бросился за одной из них, пытаясь прихлопнуть ее шляпой, да так и исчез из виду. Тут я понял, что его способ никуда не годится. Я выследил большую амейву, гревшуюся неподалеку на солнцепеке, и решил испытать собственный метод. К черенку сачка я привязал тонкий шнурок и на свободном конце шнурка сделал скользящую петлю. Затем я с величайшей осторожностью приблизился к ящерице. Она лежала на горячем песке и блестящими глазами настороженно следила за моими манипуляциями. Я медленно подвел петлю к голове ящерицы и попытался накинуть ее на шею, но стебли травы не пускали шнурок, и у меня ничего не получалось. Амейва с любопытством рассматривала болтавшуюся перед ней петлю, очевидно никак не связывая ее со мною. Но вот, пытаясь закинуть петлю на шею ящерице, я слишком близко придвинулся к ней – она стремглав чиркнула по песку и нырнула под большой куст.

Проклиная себя за незадачливость, я принялся высматривать новую жертву, как вдруг из кустов раздался отчаянный вопль Боба: он звал на помощь. Я застал его на четвереньках перед непролазной стеной подлеска.

– В чем дело?

– Тссс! Глянь вон под тот куст... Видишь, какой огромный тейю.

Я лег на песок и глянул под куст. Там между корневищами притаилась огромная толстая ящерица фута в три длиной. Ее массивное тело было сплошь украшено орнаментом из черных и ярко-красных чешуй с золотистыми пятнами на черном хвосте. Пасть у нее была широкая и, как видно, сильная. Ящерица глядела на нас блестящими золотистыми глазами, и ее толстый язык быстро-быстро ходил во рту.

– Надо что-то предпринимать, – сказал я. – Не то она удерет.

– Ты будь здесь, – сказал Боб. – А я попробую зайти ей в тыл.

Он пополз по песку, а я продолжал лежать следить за ящерицей. И тут я впервые имел случай убедиться в сообразительности тейю. Поворачивая голову на изогнутой шее, ящерица с чуть презрительным выражением следила за обходными маневрами Боба. Выждав, когда он почти достиг той стороны куста, она стремительно шмыгнула по песку, взметнув за собою облако пыли. Боб вскочил и помчался за ней, потом бросился на нее каким-то скользящим броском, но было уже поздно: она достигла другого куста и юркнула под него. Боб сел и, выплевывая изо рта песок, заворочал во все стороны головой, пытаясь определить, куда скрылась ящерица. Когда я подоспел на поле сражений, тейю показался у противоположного края куста и осторожно двинулся в мою сторону. Я замер на месте, и ящерица, явно принимая меня за сухое дерево, приблизилась ко мне на расстояние нескольких футов. Когда она подползла достаточно близко, я воспроизвел скользящий бросок Боба и глухо шмякнулся на песок, одной рукой крепко схватив ящерицу за шею. Ящерица тотчас свилась в кольцо и попыталась укусить меня за руку, причем сделала это до того внезапно, что едва не вырвалась у меня из рук. Вот никогда бы не подумал, что такое небольшое существо может обладать такой силой! Поняв, что ей не вырваться, ящерица заработала когтистыми задними лапами, сдирая мясо с моей руки, и одновременно отчаянно закрутила во все стороны хвостом. Лишь минут через десять мы с Бобом справились с ней и запихали ее в мешок. К этому времени мы оба были ободраны в кровь, а меня эта злющая тварь вдобавок хлестнула хвостом по лицу, так что слезы потекли у меня из глаз.

Лишь некоторое время спустя до нас дошло, как нам повезло с этим тейю. Из всех гвианских ящериц тейю самые смелые и сообразительные, и обычно они до того хитры, что их не так-то легко поймать. В неволе некоторые из них приручаются и становятся совсем смиренными, но большинство остаются дикими и своенравными, и доверять им нельзя. Как правило, ящерицы кусаются или нападают на человека, лишь оказавшись в безвыходном положении либо когда человек берет их в руки, тейю же не нуждаются ни в каких обоснованиях: они бросаются на человека почем зря.

Позднее, уже в Джорджтауне, мы держали около двух десятков тейю в большом ящике, затянутом проволочной сеткой. Как-то раз я пришел поставить им свежей воды. Все тейю лежали кучей в одном конце клетки, глаза их были закрыты: похоже, они спали. Я толкнул дверцу и только сунул руку за плоской, как один из тейю открыл глаза и увидел меня. Не мешкая ни секунды, он бросился с разверстой пастью через всю клетку, схватил меня за большой палец и повис на нем, словно бульдог. Я хотел стряхнуть его с пальца, от нашей возни проснулись остальные ящерицы и стремглав кинулись на подмогу собрату. Пришлось вытащить из клетки руку вместе с тейю и захлопнуть дверцу перед носом осатаневших тварей. Лишь после этого я смог всецело посвятить себя освобождению моего пальца. Я не знаю других видов ящериц, которые проявляли бы такую свирепость по самым ничтожным поводам. Когда мы сажали только что пойманных тейю в ящик, затянутый проволочной сеткой, приходилось завешивать ящик мешками, иначе, если кто-нибудь подходил к клетке, ящерицы бросались на сетку и принимались кусать и скрести ее когтями, норовя достать человека.

Покончив с тейю, мы вновь стали ловить амейв с помощью петли. Пришлось проявить огромное терпение и пережить не одно разочарование, прежде чем нам удалось поймать шесть экземпляров этих милых тварей. Они были ярко раскрашены в травянисто-зеленый, желтый и черный цвета и, казалось, тепло светились наподобие полированных резных изделий из дерева. Обращаться с ними надо с крайней осторожностью: при малейшей неловкости они сбрасывают свои красивые длинные хвосты. Надежно запрятав ящериц в мешки, мы отправились в обратный путь. Пора было обедать, а заодно хотелось и посмотреть, не объявился ли наш бравый зверолов мистер Кордаи.

Бравого охотника нигде не было видно, зато на лестничке у входной двери сидел молодой индеец, а в ногах у него лежал большой мешок. Присмотревшись, можно было заметить, что мешок шевелится.

- Что там у вас? – спросил я, с надеждой взирая на мешок.
- Кумуди, хозяин, – осклабившись, ответил индеец, – большая водяная кумуди.
- Что такое водяная кумуди? – спросил я у Айвена, когда он вышел из кухни.
- Это такая большая змея вроде удава, сэр, только живет в воде.

Я подошел к мешку и приподнял его. Он был довольно увесист, и, когда я его тронул, изнутри раздалось громкое сердитое шипение. Я развязал мешок и заглянул внутрь: там в глубине, свернувшись кольцами, лежала большая блестящая анаконда, водяная змея-удав, о которой создано столько волнующих (но, по-видимому, не соответствующих истине) легенд.

– Глянь-ка, Боб, – сказал я, наивно полагая, что он разделит мое удовольствие от нового приобретения. – Это анаконда, и, похоже, очень недурной экземпляр.

- Гм... – без особого энтузиазма отозвался Боб. – Я бы на твоём месте завязал мешок.

Гвианские охотники почему-то предпочитают, чтобы пойманных ими удавов и анаконд оплачивали пофутно, а для этого требуется извлечь змею из мешка и измерить ее длину, в каком бы настроении она ни была. Анаконда, которую мне принесли, была в очень плохом настроении. Лишь впоследствии я узнал, что они редко когда бывают в каком-либо другом, так что в полном неведении относительно этой их дурной склонности и привыкнув обращаться с более покладистыми африканскими питонами, я запросто сунул руку в мешок и

хотел схватить змею за шею. Она сделала в мою сторону злобный выпад, но промахнулась. Айвен, индеец и Боб смотрели на меня как на сумасшедшего.

– Осторожнее, сэр, это очень злая змея, – сказал Айвен.

– Она вас укусит, хозяин! – вскрикнул индеец.

– И ты получишь заражение крови, – заключил Боб.

Но эти предостережения были мне уже ни к чему: со второй попытки я схватил змею за шею и вытащил из мешка. Она шипела и извивалась. Индеец измерил ее, она оказалась пяти футов шести дюймов длиной – рост для анаконды весьма скромный. Известны экземпляры, достигавшие в длину двадцати пяти футов. Заплатив индейцу требуемую сумму, мы с Бобом не без возни запихнули змею в один из плотных мешков, припасенных специально для этой цели. Затем я вылил на мешок пару ведер воды и отнес его в комнату, где хранился наш улов.

Немного погодя я отправился за гвоздями в единственный в Эдвенчер магазин, а вернувшись, был страшно заинтригован, увидев Боба в необычной позе на лестничке в кухне: он стоял на верхней ступеньке, судорожно сжимая в руке древесный сук, – ни дать ни взять Горацус на мосту. Где-то в доме Айвен подвывал и что-то бормотал себе под нос.

– Что тут происходит? – бодро спросил я.

Боб бросил на меня затравленный взгляд.

– Твоя анаконда сбежала, – сказал он.

– Сбежала? Каким образом?

– Не знаю каким, но сбежала. Обосновалась в кухне. Похоже, ей там нравится.

Я поднялся по лестнице и заглянул в кухню: анаконда лежала свернувшись возле печки, на полу валялась перевернутая кастрюля – свидетельство поспешного бегства Айвена. При виде меня змея со злобным шипением метнулась в мою сторону, но безрезультатно, поскольку нас разделяли добрых шесть футов. Айвен, как обычно, с обеспокоенным выражением на лице просунул в дверь жилой комнаты.

– Как мы ее поймаем, сэр? – спросил он.

Змея с шипением повернулась к нему, и он моментально исчез.

– Надо прижать ее к полу, – сказал я, как мне казалось, очень авторитетным тоном.

– А ты видишь, в каком она настроении? – спросил Боб. – Вот ты и входи, да и прижми. А я буду прикрывать тебя с тыла.

Поняв, что ни Боб, ни Айвен ни за какие коврижки не войдут на кухню вместе со мной, я был вынужден действовать всецело на свой страх и риск. Вооружившись мешком и длинным шестом с развилкой, я выставил перед собой мешок и двинулся на змею, словно тореадор на быка. Анаконда собралась в тугой, дрожащий от напряжения узел и бросилась на мешок, а я заплясал вокруг, пытаюсь прижать ее к полу. Мне таки удалось поймать момент, когда ее голова была неподвижна, и я довольно удачно ткнул в нее своей вилкой, но змея раздраженно отшвырнула шест и быстро поползла к двери, шипя, словно газовая горелка. Когда Боб увидел, что змея ползет прямо на него, он невольно отступил назад, совсем забыв про лестницу, и с грохотом исчез из моего поля зрения. Анаконда последовала за ним. Когда я подбежал к двери, Боб сидел в луже перед лестницей, змеи нигде не было видно.

– Куда она делась?

Боб медленно встал на ноги.

– Не могу сказать, – ответил он. – Меня больше интересует, не сломал ли я себе шею, чем следить за тем, куда скрылся твой «экземпляр».

Мы облазили весь участок вокруг дома и под домом – змеи и след простыл. Оказалось, что убежала она, расширив небольшую дырку в уголке мешка. Надо полагать, вначале дырка была совсем небольшой, теперь же мешок не имел дна, зато имел две горловины. За чаем я долго и горько жаловался по поводу утраты столь великолепного экземпляра.

– Ничего, – утешал меня Боб. – Я уверен, сегодня ночью она объявится в гамаке у Айвена и уж он-то не даст ей удрать.

Айвен промолчал, но на лице у него было написано, что он вовсе не жаждет застать анаконду у себя в гамаке.

Наше чаепитие было прервано появлением коротенького, толстенького и чрезвычайно застенчивого китайца с какой-то большой, нелепого вида птицей под мышкой. Птица была размерами с домашнего индюка и облачена в строгий траурный наряд, если не считать несколько белых перьев на крыльях. На голове у нее был курчавый гребешок, очень похожий на встрепанный ветром хохолок. Клюв был короткий и толстый, у основания и вокруг ноздрей покрытый вздутой восковиной. И клюв, и массивные цыплячьи ноги были канареечно-желтого цвета. Птица глядела на нас большими, темными, задумчивыми глазами, в которых стояло какое-то сумасшедшее выражение.

Это был гокко. Поторговавшись с китайцем, я купил его, и владелец птицы положил ее на пол. С минуту она лежала не двигаясь, моргая глазами и издавая тоненькое жалобное «пит-пит-пит» – звук, никак не вязавшийся ни с ее внешностью, ни с размерами. Я нагнулся и почесал ей голову. Птица немедленно закрыла глаза, распласталась на полу и, сладострастно подрагивая крыльями, принялась гортанно курлыкать. Как только я перестал ее почесывать, она открыла глаза и воззрилась на меня с изумлением, обиженно и вместе с тем умоляюще питпитпиткая. Уразумев, что я не собираюсь просидеть возле нее весь день в качестве массажиста, она грузно поднялась и двинулась к моим ногам, не прекращая своего смехотворного питпитпитканья. Медленно и коварно подобралась она ко мне, устроилась на моих ногах, закрыла глаза и закурлыкала с новой силой. Нам с Бобом еще не доводилось видеть такой кроткой, глупой и дружелюбной птицы, и мы немедленно окрестили ее Кутбертом. Это имя как нельзя больше подходило к ее сентиментальной натуре.

Китаец заверил, что Кутберт совершенно ручной и никуда от нас не денется, а потому мы пустили его свободно разгуливать по дому и запирали лишь на ночь. Но уже в свой первый вечер у нас Кутберт показал, на что он способен. Оказывается, этот проклятый гокко жить не мог без человеческого общества, и даже больше того, все время норовил устроиться поближе к человеку. Обнаружилось это вот как. После ухода китайца я засел за работу над дневником, который катастрофически запустил. Через некоторое время Кутберт решил, что чуточку внимания ему не повредит, и, шумно хлопая крыльями, взлетел на стол. Он медленно прошелся по столу, довольно питпитпиткая, и хотел улечься на дневнике. Я оттолкнул его. С видом оскорбленной невинности он отступил назад и опрокинул чернильницу. Пока я вытирал стол, он скрепил две страницы моего дневника своей личной печатью. Она была велика и весьма липучего свойства, поэтому испорченные страницы пришлось переписать. Тем временем Кутберт сделал несколько коварных попыток забраться ко мне на колени, но получил жесткий отпор. Поняв, что тихой сапой меня не возьмешь, он немного подумал и решил, что раз так, то лучше всего напасть на меня внезапно, и тут же попробовал взлететь мне на плечо, но промахнулся и тяжело шлепнулся на стол, снова опрокинув чернильницу. В продолжение всего этого спектакля он не переставал нелепо питпитпиткать... В конце концов мое терпение лопнуло, и я спихнул его со стола, после чего он с надутым видом удалился в угол.

Немного погодя явился Боб развешивать гамаки, и Кутберт встретил его с восторгом. Пока Боб сосредоточенно выпутывал гамаки из веревок, Кутберт тихонько подобрался к нему со спины и лег у него под ногами. Единоборствуя с гамаком, Боб сделал шаг назад, наткнулся на лежащую под ногами птицу да так и растянулся во весь рост на полу. Кутберт панически заверещал и снова забился в свой угол. Потом, улучив момент, когда Боб, как ему казалось, вновь увлекся делом, Кутберт выполз вперед и улегся у него на ногах. Ну а уже

потом я услышал только звук падения тела – это Боб рухнул на пол под тяжестью гамаков. Из-под вороха москитных сеток и веревок выглядывал Кутберт и негодуяще питпитпиткал.

– Смейся, смейся, – свирепо проговорил Боб. – Только лучше тебе убрать эту мерзкую птицу, не то одним «экземпляром» у тебя станет меньше. Я не против, чтобы он ластился ко мне, когда мне нечего делать, но я не могу отвечать ему взаимностью и одновременно подвешивать гамаки.

Так Кутберт был заключен в общую комнату для животных. Я привязал его за ногу к клетке и удалился под его душераздирающее питпитпитканье.

Вечером мы вышли на переднюю лестницу покурить и потолковать, и Кутберту было разрешено посидеть вместе с нами. Айвен сообщил нам новость: ему удалось повидать неуловимого Кордаи; оказывается, этот джентльмен ездил в Джорджтаун. Теперь он покончил со своими делами и готов провести нас на озеро. Он зайдет за нами с утра пораньше, Айвен полагал, что на этот раз тот выполнит свое обещание, я в это не верил.

Был теплый вечер, полный трескучего стрекота сверчков. Немного погодя к концерту присоединилась древесная лягушка в соседних кустах. Она несколько раз негромко и очень вежливо рыгнула и умолкла, словно устыдясь своих дурных манер. Но на ее зов тут же отозвался другой ее сородич, и она робко ответила ему. Только мы завели разговор, уж не отправиться ли нам на поимку этих дурно воспитанных земноводных, как вдруг на дороге показались огни – несколько качающихся фонарей, которые двигались в нашу сторону. Поравнявшись с домом, фонари свернули с дороги и прошли по мостку, мы слышали шарканье голых ног по доскам. Вот люди стали внизу под лестницей, и я узнал нескольких из них – это были охотники-индейцы, с которыми я разговаривал накануне.

– Доброй ночи, хозяин! – хором воскликнули они. – Мы принесли вам зверей.

Мы провели их в нашу крохотную жилую комнатку, и они набились в нее так тесно, что не стало видно ни окон ни дверей. На их бронзовых при свете лампы лицах читалось нетерпение поскорее показать нам свою добычу. Кто-то первым протиснулся вперед и положил на стол старый мешок, в котором что-то дергалось и извивалось.

– Это ящерицы, хозяин, – ослабившись, сказал охотник.

Я развязал мешок. Из него немедленно высунулась амейва и схватила меня за палец. Охотники захохотали так, что весь дом заходил ходуном. Запихивая милую тварь обратно в мешок, я увидел, что она там не одна, а с несколькими собратьями.

– На-ка, – сказал я, передавая мешок Бобу. – Ты ведь любишь ящериц. Пересчитай их.

Мы с Айвеном принялись торговаться с владельцем, а Боб, призвав на помощь одного из охотников, тщательно пересчитал ящериц. Две из них ускользнули и кинулись в частокол смуглых ног, но их быстро поймали.

Затем в весьма хилой корзине нам представили двух угольно-черных змей футов четырех длиной каждая. Концы их хвостов на протяжении шести дюймов были ярко-желтого цвета. Боб, надо полагать, под наплывом воспоминаний об анаконде, посматривал на них с явным неудовольствием. Айвен заверил нас, что змеи эти – по-местному желтохвостки – совершенно безобидны. Мы осторожно пересадили их из корзины в крепкий мешок, причем ухитрились сделать это так, чтобы они нас не укусили. Это было великое достижение: змеи свирепо набрасывались на все, что попадалось им на глаза. После желтохвосток нам предложили четырех огромных игуан. Их лапы самым безжалостным образом, с риском покалечить животное, закручены за спину и крепко связаны. Пришлось объяснить охотникам, что хотя это, быть может, и самый легкий способ доставить игуан на рынок, но я не хочу, чтобы таким способом игуан доставляли мне. К счастью, ни одна из игуан, по-видимому, не пострадала, возможно потому, что они пробыли связанными совсем недолго.

И наконец, гвоздь вечера. Передо мной поставили большой деревянный ящик, и, заглянув сквозь планки, я увидел в нем несколько прелестных маленьких обезьянок. Это были

нежные, хрупкие существа, одетые сплошь в зеленоватый мех, за исключением черных мордочек, отороченных желтым мехом, да больших белых ушей. Глаза у них были светло-янтарные, а их обращенные ко мне мордашки неодолимо напоминали куртинку анютиных глазок. Головы у них были самые необыкновенные, какие-то выпуклые и яйцообразные, и казались непомерно большими на их хрупких телах. Обезьянки сидели, нервно сбившись в кучку, и издавали пронзительные щебечущие крики.

– Что это за обезьяны? – спросил восхищенный Боб.

– Саймири, а как они называются по-местному, не знаю.

– Сакивинки, хозяин, – хором ответили охотники.

Слов нет, это название им очень шло и звучало чрезвычайно похоже на их щебечущий крик. В ящике было пять этих робких существ, и он был для них явно мал. Поэтому, расплатившись с охотниками, я тотчас взялся за дело и сколотил для них клетку попросторнее. Затем я переселил обезьянок на новую квартиру и поставил клетку в комнату для пойманных животных.

А Кутберт тем временем блаженствовал. Имея в своем распоряжении множество разноцветных ног, он нашел обширное поле приложения своей любви к человечеству и успел поваляться в ногах чуть ли не у всех охотников. Сообразив, что при нормальном образе жизни ему уже давно полагается спать, я водворил его в комнату для животных и закрыл дверь. Только мы погасили свет и стали осторожно расползаться по своим гамакам, как раздался страшный шум: громко протестовал Кутберт, пронзительно верещали обезьянки. Я мигом зажег лампу и поспешил на место происшествия.

Кутберт с ужасно недовольным видом сидел на полу и сердито питпитпиткал себе под нос. По-видимому, он решил заночевать на верху клетки с обезьянками и взлетел на нее, но, на свою беду, не заметил, что его хвост свисает перед решеткой. Обезьянки заинтересовались его хвостом, который отчетливо виднелся в свете луны, просунули лапки сквозь решетку и пощупали, что это такое. При всей хрупкости сложения хватка у сакивинки мертвая, и, почувствовав, что его хватают за хвост, Кутберт ракетой взмыл под потолок, оставив в лапах обезьянок два больших хвостовых пера. Я утешил Кутберта как мог, отвел ему новое место для ночлега и привязал его на тот случай, если ему вздумается вновь приблизиться к обезьянкам. Прошло немало времени, прежде чем они кончили обсуждать происшествие своими щебечущими голосами, а Кутберт перестал питпитпиткать и уснул. С тех пор Кутберт больше не приближался к сакивинкам.

Глава II

Крысы и рыжие ревуны

При первых бледных отсветах зари мы отправились на озеро. Птицы, спавшие на деревьях вокруг нашей лачуги, еще только пробуждались и начинали неуверенно чирикать, приветствуя новый день. К восходу мы прошли уже несколько миль по узкой извилистой тропинке, бежавшей среди зеленеющих рисовых полей и словно умерших оросительных каналов. В золотом свете утра нам повсюду виделись птицы – мерцающая, подвижная ярко-цветная мозаика на деревьях и в кустах. На маленьких низкорослых деревцах, окаймлявших поля, кишели десятки голубых танагров. В погоне за насекомыми они скакали с ветки на ветку, издавая пронзительные призывные крики. Размерами с воробья, они имеют темно-синие крылья, тогда как туловище у них покрыто оперением нежнейшего небесно-голубого цвета, какой только можно себе представить. На одном дереве я увидел трех танагров в компании пяти желтоголовых трупиалов, маленьких смоляно-черных птичек с желтыми, как одуванчик, головками. Сочетание цветов танагров и трупиалов было прямо-таки поразительно. В нежных зеленеющих всходах риса во множестве виднелись красногрудые трупиалы – похожие на дроздов птицы с необычайно яркой розовой грудью. При нашем приближении они экзотическим фейерверком взмывали в воздух.

Примечательно, что многие виды птиц в Гвиане имеют очень броскую расцветку. Зеленый дятел на пригородном лугу в Англии покажется вам яркой тропической птицей, но посмотрите на него весной в дубовом лесу – и вы удивитесь, как прекрасно сливается с листвой его оперение. Пестроцветный попугай кажется ярким в клетке зоопарка, но подите углядите его в его родном лесу! Точно так же обстоит с птицами чуть ли не по всему свету, и все же в Гвиане великое множество видов словно бы и не знает о существовании защитной окраски. Голубые танагры выглядят на зеленом фоне совсем как британский флаг на снегу; красногрудые трупиалы привлекают внимание, словно огни миниатюрных светофоров; желтоголовые трупиалы яркими черно-желтыми силуэтами выделяются на зеленой траве. Одного вида всех этих птиц, суетливо снующих в поисках корма на ярко-зеленом фоне растительности, было бы достаточно, чтобы навлечь на них всех ястребов за мили окрест. Я долго и упорно размышлял над явно безрассудным поведением птиц, но так и не додумался до сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого факта.

Мы оставили сочно-зеленую возделанную равнину и вдруг оказались в удивительном месте. Чахлые, опутанные мхом деревья росли тут небольшими группами, вокруг которых расстилались пыльные коврики редкой травы и кустарника. Между этими миниатюрными оазисами простирались обширные бесплодные пространства песка, белые и мерцающие, словно свежевыпавший снег. Да и сам песок был белый и мелкий, перемешанный с миллионами крошечных слюдинок, в которых, как в алмазах, отражалось и сверкало утреннее солнце. Перед тем как вступить в эту странную белоснежную пустыню, Кордаи разулся, и теперь я понял почему: босиком он легко и быстро, словно на лыжах, скользил по сверкающему песку, тогда как мы трое – Боб, Айвен и я – тяжело тащились за ним, по щиколотку увязая в песке, который набивался нам в ботинки.

Эти песчаные острова, или по-местному маури, встречаются в Гвиане довольно часто и представляют собой остатки древнего морского дна, коим когда-то была вся страна. Они весьма интересны для ботаников, так как растущие на них кустарники и травы либо вообще свойственны лишь данному типу местности и нигде больше не встречаются, либо являются странными вариациями флоры влажных лесов, приспособившейся к жизни на бесплодных песках. Иные малорослые искривленные деревья были украшены пучками орхидей, спус-

кавшимися по их коре наподобие розовых цветочных водопадов, и тут, в этой похожей на пустыню местности, такие деревья выглядели очень нарядными и цветущими, но совершенно неуместными. Среди других ветвей виднелись серые, слепленные из грязи гнезда термитов; из одного такого гнезда при нашем приближении выпорхнула пара крохотных длиннохвостых попугаев и с хриплыми криками полетела между деревьями. Но основное население маури составляли сотни крупных амейв, по-видимому отлично себя чувствовавших среди этого белого ландшафта, на котором их светлая окраска была явным преимуществом. Здешние амейвы были смелее тех, что водились возле деревни, они подпускали нас совсем близко и уползали не спеша. Удивительно, каким образом при скудости травянистого и кустарникового покрова множество больших и прожорливых ящериц находили себе достаточно пропитания в виде насекомых, но, как бы там ни было, от недоедания они явно не страдали.

Возможно, гвианские песчаные останцы и представляют собой немалый интерес для ботаника и зоолога, но идти по ним скорым шагом в высшей степени изнурительно. После того как я прошагал мили две по песку, прыти у меня заметно поубавилось. С меня градом катил пот, от ослепительного блеска песка ломило глаза. Боб и Айвен чувствовали себя не лучше, но вот Кордаи, как назло, был свеж словно огурец. Мы тащились за ним и буравили его спину мрачными, тяжелыми взглядами. Пески кончились так же внезапно, как и начались, и мы очутились под благодатной сенью густого леса, росшего по берегам широкого и мелкого канала. Кордаи хотел без остановки топтать дальше, но мы взбунтовались и большинством голосов решили прилечь в тени отдохнуть. Лежали мы молча и неподвижно. На переплетенные пологом ветви у нас над головой опустилась стая крохотных птичек. Возбужденно щебеча, они принялись перепархивать с ветки на ветку. Это были толстенские птички с интеллигентными крутолобыми головками и большими черными глазами. Верхняя половина тела была у них цвета густой берлинской лазури, лоснящаяся и почти черная, когда на нее не падал прямой солнечный свет, нижняя половина – яркого желто-оранжевого цвета. Они скакали и порхали среди листвы, переговариваясь между собой взволнованными звенящими голосами, и время от времени, свесив голову вниз, с недоверием поглядывали на нас. Я толкнул Боба в бок и показал на птиц:

– Как они называются? Ни дать ни взять птички из диснеевского фильма.

– *Tanagra violacea*, – звучно произнес я.

– Как-как?

– *Tanagra violacea*. Так их зовут³.

Боб пристально поглядел на меня, не шучу ли я.

– Не понимаю я вас, зоологов. Это что, обязательно – награждать животных такими ужасными именами? – наконец высказался он.

– Не спорю, в данном случае имя не очень-то подходящее, – сказал я и, выпрямившись, сел.

Tanagra violacea, с ужасом убедившись, что мы-таки не являемся частью лесного пейзажа, с отчаянным щебетом улетели.

Кордаи заверил нас, что теперь до озера рукой подать и мы доберемся до него за час. Услышав это, Боб срезал в кустарнике здоровенную палку на случай, если нам снова придется идти через пески. С великим профессиональным мастерством шуруя палкой направо и налево, он ненароком задел куст у себя за спиной, и из куста тотчас раздался громкий писк, который побудил нас к немедленным действиям. Кордаи с Айвеном зашли с флангов, мы с Бобом приблизились с фронта. Раздвинув листву, мы устали в стебли травы, но ничего не увидели.

³ В настоящее время принято название *Tanagra xanthogaster* (желтобрюхий танарг). – Примеч. ред.

– А, вижу! – вдруг сказал Боб.

– Где? Что?

Боб всмотрелся в листья травы.

– Крыса, – наконец с отвращением произнес он.

– Какая собой? – спросил я, подозревая кое-что.

– Какая, какая, самая обыкновенная!

– Это надо рассмотреть, – сказал я, занял его место и вперил взгляд в гушу веток. Там под листьями сидела большая ржаво-коричневая крыса с бледно-кремовым брюхом. Только я ее увидел, как она вновь пискнула и пустилась бежать.

– Держи ее, Боб! – завопил я как оглашенный. – Это иглошерстная крыса, она бежит прямо на тебя! Ради бога, непусти ее!

Я был необычайно взволнован, потому что всегда питал слабость к этому виду грызунов. До сих пор я знал иглошерстных крыс лишь по чучелам в музеях. С надеждой описывал я их всем звероловам, которых встречал в Гвиане, но никто из них иглошерстных крыс не встречал. Я уже было смирился и решил, что так и уеду домой без живого экземпляра. И вот сейчас самая настоящая иглошерстная крыса бросилась прямо под ноги Бобу! Он растерянно переспросил: «Иглошерстная крыса?» – и тут же не мешкая самоотверженно повалился на убегающее животное.

– Не налегай на нее! – взмолился я. – Ты задавишь ее!

– А как еще ты считаешь ее поймать? – раздраженно спросил Боб. – Она как раз подо мной. Давай вытаскивай ее.

Он лежал ничком в кустарнике и докладывал о перемещениях крысы, а мы тем временем обкладывали его мешками и сетями.

– Ползет к моей ноге... нет, возвращается назад. Теперь остановилась у меня под грудью. Скорее, чего вы там копаетесь? Теперь она протискивается к моему подбородку. Давайте поторавливайтесь, не могу же я лежать так весь день. Да, между прочим: они кусаются?

– Где уж ей кусаться, когда ты как следует повалился на ней, – сказал я. Меня преследовало наваждение: вот передо мной моя первая иглошерстная крыса и вид у нее такой, словно по ней проехался паровой каток.

На лице Боба появилось озадаченное выражение.

– По-моему, их тут две. Ей-богу, она только что была у меня под грудью, а теперь я чувствую ее под ногой.

– Это тебе так кажется, – сказал я, наклоняясь к нему. – Ну, под какой ногой?

– Под левой.

Я осторожно просунул руку под его бедро и нащупал теплое пушистое тело зверька. Тихонько, чтобы не дать повода меня укусить, я обхватил его руками и извлек из-под ноги Боба. Крыса расслабленно лежала у меня на ладони, даже не пытаясь сопротивляться, и мне показалось, что Боб все же помял ее. Я внимательно осмотрел животное и, не обнаружив никаких повреждений, почтительно опустил в мешок. Затем я повернулся к Бобу: он по-прежнему лежал ничком среди кустов.

– Что с тобой?

– Когда ты всласть наглазеешься на свое приобретение, – с бесконечным терпением сказал он, – будь добр, убери вторую у меня из-под груди. Я лежу и боюсь шелохнуться: вдруг она меня укусит?

Я стал шарить дальше в траве и, к своему удивлению, обнаружил у него под грудью вторую крысу. Когда я вытащил ее, она громко, отчаянно пискнула и тут же затихла, расслабленно распластавшись у меня на ладони, как и первая. Боб поднялся и стряхнул с себя прелые листья.

– Что в них особенного? – спросил он. – Они что, очень редки?

– Да нет как будто. Просто я к ним равнодушен, только и всего. Никогда раньше не видел живого экземпляра, – ответил я, продолжая рассматривать лежавшую у меня на ладони крысу.

Боб страшно возмутился:

– Стало быть, я рисковал заработать столбняк и ловил эту даже не очень редкую крысу лишь потому, что ты к ней равнодушен, так, что ли?

– Видишь ли, иметь такую крысу никогда не повредит, – оправдывался я. – И еще вот что. Подумай, как мы их поймали: не всякий может похвастаться, что ловил по две штуки зараз так просто, ложась на них, так ведь?

– Слабое утешение, – холодно отвечал Боб. – Я думал, я ловлю что-нибудь такое особенное, чего еще никто не приносил в зоопарк.

– Нет, ты ошибся. Но ведь это в самом деле интересные животные.

Боб неохотно придвинулся ко мне и уставился на крысу, лежавшую у меня на ладони. Это было жирное существо с длинной и грубой шерстью, являвшей собою пеструю смесь янтарных и шоколадных волосков. Обычный толстый и голый крысиный хвост, маленькие уши, большие мечтательные черные глаза и густые белые усы.

– Не нахожу в ней ничего интересного, – отрезал Боб. – Крыса как крыса.

– А вот взгляни, – сказал я и провел пальцем против шерсти животного. Когда шерсть укладывалась на место, можно было видеть, что она растет попеременно с многочисленными длинными темными иглами. Приглядевшись, можно было рассмотреть, что иглы эти плоские, гибкие на ощупь и не особенно острые, отдаленно напоминающие иглы дикобраза. Точное их назначение неизвестно; едва ли они служат целям защиты, так как они недостаточно остры, чтобы колоться, и к тому же слишком легко гнутся. Впоследствии, экспериментируя над иглошерстными крысами, я обнаружил, что ни при каких обстоятельствах они не используют эти иглы для нападения или защиты. Возможно, животные как-то могут управлять иглами, скажем поднимать их, как дикобраз, но мне не случалось видеть, чтобы они это делали. Похоже, иглошерстные крысы в наибольшей мере философы из всех грызунов и стоически принимают неволю. Они никогда не мечутся по клетке во время уборки, подобно другим только что пойманным крысам, а сидят себе в уголке и спокойно глядят на вас. Если вы толкнете крысу, чтобы убрать под ней, она нехотя подвинется или со своим чудным жалобным писком пройдет по клетке. Мои крысы охотно поедали анолисов, и мне казалось странным, что они пристрастились к такой еде. Большинство лесных крыс питается живыми кузнечиками и жуками, и я не знаю вида, который нападал бы на таких крупных животных, как ящерицы. Скорее всего, это мясоедство явилось следствием жизни в неволе, ибо трудно себе представить, каким образом такое грузное, неповоротливое животное, как иглошерстная крыса, может взбираться на кусты, по которым лазают анолисы, и охотиться за этими проворными ящерицами.

Надежно упрятав крыс в мешок, мы пошли дальше и пересекли еще один песчаный останец, правда совсем небольшой и не такой утомительный, как первый. Пройдя его, мы нырнули в густой лес и почти сразу оказались на большой прогалине между деревьями. По квадратной форме этой поляны можно было догадаться, что она расчищена человеком. По-видимому, когда-то здесь было возделанное поле, которое затем забросили, и теперь поляна буйно заросла кустарником попеременно с цветами, в неподвижном горячем воздухе над ней носилось множество бабочек. Сохранились тут и остатки культурных растений: несколько чахлах одичавших бананов с гроздьями мелких худосочных плодов, сплошь переплетенных ползучими растениями, которые карабкались по их толстым стволам ближе к солнцу. За банановой плантацией по окна в подросте стояла растрепанная хижина из пальмовых листьев, сквозь ее зияющую проваленную крышу росли три молодых деревца. Раньше тут

жили индейцы, объяснил нам Кордаи, но потом они переселились на противоположный берег озера. Утопая по пояс в густом и влажном сплетении растений, мы пересекли эту заброшенную плантацию и углубились в лес по узкой осклизлой тропе, которая с каждым шагом становилась все более топкой. В конце концов мы прошли по тропинке последний поворот, и перед нами открылось озеро.

Впервые я видел, чтобы такое большое водное пространство могло быть столь безжизненным и неподвижным: деревья и подлесок, окаймлявшие его берега, отражались в воде ясно и четко, как в зеркале. Ни ветерок не взрябит коричневатую поверхность воды, ни всплывающая к поверхности рыба не пустит по ней круги. Тростниковые заросли, обрамлявшие берега, деревья и даже два небольших островка посреди озера – все было мертво и безжизненно. И над всем этим сверхъестественная тишина. Не слышно было даже обычного смутного гула насекомых.

Кордаи сказал, что придется покричать индейцам, тогда они пришлют за нами каноэ. Мы трое присели покурить, а он подвернул штанины, обнажив свои тощие кривые ноги, и вошел в воду. Он несколько раз прокашлялся, встал в позу, удивительно напоминающую позу оперного певца на сцене, и издал пронзительный душераздирающий вопль. Даже Айвен, которого не так легко было вывести из себя, уронил от испуга сигарету. Кошмарный крик прокатился над озером, тысячекратно отразился в камышах, под зеленым шатром леса и под конец приобрел такое звучание, будто на дне колодца режут стадо свиней. Я оглядел противоположный берег в бинокль – ни малейшего шевеления. Кордаи подтянул штаны, набрал полную грудь воздуха и вторично издал вопль истязуемого в аду грешника с тем же результатом. Когда четвертый вопль прокатился над озером и замер вдали, Боб не выдержал.

– Не могу я сидеть здесь и слушать, как он рвет себе глотку, – взмолился Боб. – Может, отойдем подальше, чтобы не слышать, а он, когда кончит, придет и скажет?

Мы отступили в лес и пятились до тех пор, пока голос Кордаи не был заглушен листвой. Там мы сидели и ждали. Битый час он стоял на мелководье, каждые пять минут издавая вопль, и под конец голос у него стал совсем хриплым и тоненьким, а наши нервы совсем измочаленными.

– Если даже в поселке кто-нибудь есть, – сказал Боб, не вынимая пальцев из ушей, – я не верю, что люди могут отозваться на такой голос.

– А что, если помочь ему? – предложил я.

– Зачем? – спросил Боб. – Ведь он и так здорово шумит!

– Как-никак, если мы гаркнем вчетвером, будет слышнее.

– Сомнительное преимущество, но попробовать можно. Вообще же говоря, если уж индейцы не услышали его верхних нот, они должны быть глухими от рождения.

Мы вернулись к озеру, вошли в тепловатую воду и присоединились к Кордаи. После первой же совместной попытки стало ясно, почему он кричал таким пронзительным фальцетом: из-за какой-то акустической особенности этого места кричать нормальным голосом не имело смысла, звук глушился. Лишь пронзительный тирольский перепев будил эхо, давая желаемый результат, а потому мы хором принялись издавать крики, которые с равным успехом могли исходить из глубин Дантова ада. Все шло как по маслу, и над озером разносились раскаты эха, как вдруг я увидел лицо Боба в тот момент, когда он старательно выводил фальцетом длинную руладу. На меня напал такой смех, что мне стало нечем дышать, и я без сил опустился на песок. Боб последовал моему примеру. Мы сидели рядышком и смотрели на сверкающую гладь озера.

– А что, если переплыть его? – сказал Боб.

Я прикинул на глаз расстояние:

– С полмили будет. Можно попробовать, только не торопясь.

– Ну так я не прочь попробовать. Мы пришли сюда повидать индейцев, и мне просто непонятно, почему мы должны уйти обратно, так и не сделав этого, – запальчиво сказал Боб.

– Ладно, – ответил я. – Давай попробуем.

Мы разделись догола и пошли в воду.

– Что вы хотите делать, хозяин? – тревожно спросил Кордаи.

– Плыть на ту сторону, – бодро ответил я.

– Тут нехорошо плавать, хозяин.

– Это почему же? – надменно спросил я. – Вы же сами говорили, что не раз переплывали озеро.

– Оно слишком широко для вас, – слабо вякнул Кордаи.

– Глупости, мой дорогой. Мы переплывали озера и почище, рядом с этим они показались бы с целый Атлантический океан, вот этот малый и медали за это имеет.

Это окончательно сразило Кордаи – он явно не имел ясного представления о том, что такое медаль. Мы все дальше заходили в озеро и, поравнявшись с краем прибрежного тростника, оказались по шею в теплой, золотистой, как мед, воде. Тут мы приостановились, высматривая на том берегу ближайшее место, к которому следовало плыть, и мне вдруг пришло в голову, что ни я, ни Боб, входя в воду, не сняли с себя шляп. Примериваясь плыть брассом, Боб старательно вспенивал темную воду, а на один глаз у него лихо налезала элегантная зеленая шляпа с загнутыми полями. Это было до того смешно, что меня разобрал нервный смех.

– Ты чего? – спросил он.

Я стоял вертикально в воде, работая ногами, и судорожно хватал ртом воздух.

– Бесстрашный первопроходец переплывает озеро в шляпе, – отплеывая воду, наконец вымолвил я.

– Но ведь ты тоже в шляпе.

– Это на случай, если мы повстречаем на берегу индейских дам. Надо же иметь на голове шляпу, черт подери, чтобы было что приподнять при встрече с леди. Джентльмены мы или не джентльмены?

Развивая эту тему, мы вконец обессилели от смеха и перевернулись на спину отдохнуть, как вдруг раздался плеск и по воде пошла рябь, а с берега донеслись крики Айвена и Кордаи.

– Вернитесь назад, хозяин, это очень плохие рыбы! – кричал Кордаи.

– Возможно, это пирайи, сэр, – сообщил нам Айвен своим культурным голосом.

Мы переглянулись, посмотрели на пятно ряби, которое быстро приближалось к нам, потом враз повернули и дунули к берегу с такой быстротой, что, если бы все это происходило в плавательном бассейне, нас наверняка увенчали бы парой медалей. Мокрые, едва переводя дух, мы в том же шутовском наряде выскочили из воды.

– Это точно пирайи? – спросил я у Айвена, насилу отдышавшись.

– Не знаю, сэр, – ответил он. – Но было бы неразумно рисковать, если это на самом деле они.

– Как нельзя более с вами согласен, – шумно дыша, произнес Боб.

Возможно, нелишне будет объяснить, что пирайя – одна из самых неприятных пресноводных рыб. Это плоская, мясистая, серебристого цвета рыба с выдающейся нижней челюстью, очень похожая в профиль на бульдога. Ее челюсти оснащены рядом самых страшных зубов, какие только можно найти у рыб. Зубы эти треугольной формы и посажены таким образом, что, когда рыба смыкает пасть, они прилегают один к другому напоподобие зубьев шестеренки. Пирайи живут стаями почти во всех тропических реках Южно-Американского континента и снискали себе громкую славу. Они способны чуют кровь на значительном расстоянии в воде и при малейшем запахе крови с невероятной быстротой устремляются к месту происшествия и своими страшными зубами раздирают добычу на куски. Основательность,

с какой они обглаживают живое или мертвое тело, однажды была проверена специальным экспериментом: была убита капибара – южноамериканский грызун, достигающий размеров крупной собаки, и ее труп опущен в реку, кишевшую пирайями. Хотя капибара весила целых сто фунтов, она была начисто объедена за пятьдесят пять секунд. При осмотре скелета обнаружилось, что, сдирая мясо, остервенелые пирайи насквозь прокусывали ребра. Не знаю, водились ли в озере пирайи, но уверен, что мы правильно сделали, тотчас возвратившись на берег: заплыв в стаю голодных пирай, вы, пожалуй, навеки лишитесь возможности извлечь урок из своей ошибки.

Айвен и Кордаи вновь принялись взывать к индейцам, а мы с Бобом прошли на поляну среди деревьев и принялись бродить по ней нагишом, обсыхая на солнце. Осматривая полуразвалившуюся хижину, мы наткнулись на длинную доску, она лежала на земле, еле видная в траве. Всякий зверолов знает, что нелишне переворачивать каждое бревно, каждую доску, каждый камень на своем пути. Таким образом можно найти какое-нибудь редкое животное. Подобное переворачивание всего, что попадает у тебя на пути, скоро входит в привычку. Так и теперь, обнаружив доску, мы с Бобом нагнулись, и недолго думая, перевернули ее. В открывшемся влажном углублении лежала длинная тонкая змея, весьма небезопасная на вид. Поскольку на нас были только шляпы и ботинки, змея имела перед нами явное преимущество, но она им не воспользовалась и продолжала неподвижно лежать, глядя на нас. Не двигаясь с места, мы шепотом принялись обсуждать план ее поимки.

– У меня в кармане брюк есть кусок бечевы, – обнадеживающе сообщил Боб.

– Ладно, я сбегаяю, а ты не спускай с нее глаз.

Потихоньку, чтобы не вспугнуть змею, я попятился, а потом побежал к вороху нашей одежды. Отыскав бечевку, я срезал палку, привязал к ней бечевку, сделал на свободном конце бечевки петлю и побежал обратно к Бобу. Змея лежала на прежнем месте и не шелохнулась до тех пор, пока не почувствовала на шее петлю, после чего свернулась в клубок и злобно зашипела. Это была одна из тонких коричневых древесных змей, которые встречаются в Гвиане на каждом шагу. Впоследствии мы узнали, что эти змеи ядовиты, но не особенно. Во всяком случае, это нисколько не испортило нам удовольствия от поимки змеи, и, опуская ее в мешок, мы чувствовали себя страшно неустрашимыми. Только мы пустились обсуждать тонкое различие между встречей со змеей, когда на тебе есть одежда и когда одежды на тебе нет, как вдруг из-за деревьев выбежал Айвен и, задыхаясь, сказал, что наши завывания увенчались успехом: от противоположного берега отчалило каноэ.

Каноэ ткнулось носом в песок перед нами, и гребец прыгнул в воду. Это был юноша-индеец лет восемнадцати, в потрепанных штанах, коренастый, с кожей какого-то особенно теплого желто-бронзового оттенка, отливавшей медью под прямыми лучами солнца. У него был широкий нос, большой, красиво очерченный рот, высокие монгольские скулы и большие темные раскосые глаза. Волосы у него были тонкие и черные, причем не глянцевого-черные с синеватым отливом, цвета воронова крыла, как у индейцев, а мягкого, спокойного цвета сажи. Он застенчиво улыбнулся, в то время как его черные, без выражения глаза бегло и внимательно осмотрели нас с ног до головы. Кордаи заговорил с ним на его родном языке, и он ответил глубоким хриловатым голосом. После короткого расспроса мы выяснили, что большинство индейцев переселилось из прибрежного поселка на более удобное становище в нескольких милях от озера. На старом месте оставались лишь он да его семья. Кордаи спросил, по-прежнему ли мы намерены продолжать свое путешествие. Это был наивный вопрос; мы погрузились в утлое протекающее каноэ, и парень плавно помчал нас по озеру. К тому времени, когда мы приблизились к берегу, наша ладья дала сильную осадку, и вода стала угрожающе переплескиваться через борт. Парень вогнал каноэ прямо в заросли тростника, и оно влипло в жидкую грязь наподобие разбухшей от воды банановой кожуры, а затем повел нас через лес, бесшумно, словно бабочка, лавируя между деревьями. Вскоре мы вышли на

небольшую поляну, где стояла просторная, основательно сработанная бамбуковая хижина. Навстречу нам с громким лаем выбежали собаки, но парень тут же остановил их. На земле перед хижиной сидел пожилой индеец, очевидно глава семьи. Его жена и дочь, девушка лет шестнадцати, вылущивали золотистые зерна из початков кукурузы. Среди квохчущих кур по поляне бегали ребятишки. Все члены семейства подошли и поздоровались с нами за руку, однако они явно дичились и были стеснены нашим присутствием. Хотя улыбка не сходила с их лиц и они охотно отвечали на все вопросы, было видно, что мы не внушаем им особого доверия.

Если вспомнить историю южноамериканских индейцев, начиная с утонченных христианских жестокостей испанцев и кончая нашими днями, когда индейцы, лишенные родины, вынуждены жить в резервациях и держаться подальше от благ цивилизации, которая производит среди них страшные опустошения, – если вспомнить все это, то поистине удивительно, что они вообще соглашались вступать с нами в какие-либо сношения. Возможно, они правильно бы сделали, взяв за пример предосудительное, но вполне оправданное поведение своих собратьев в Мату-Гросу, которые встречают любого белого градом метко пущенных отравленных стрел.

В конечном счете, заручившись у отца семейства обещанием, что он постарается поймать для нас что-нибудь, мы вновь обменялись со всеми рукопожатиями, и парень отвез нас обратно через озеро. Высадив нас на берег, он улыбнулся на прощание, развернул каноэ на месте и погнал его по безмолвному озеру, оставляя на воде темный расходящийся след.

Обратный путь в Эдвенчер вконец измотал нас: мы хотели попасть домой до темноты, а раз так, надо было поторапливаться. Второй песчаный останец показался нам шире, чем был, когда мы впервые пересекали его, а сыпучий песок буквально держал нас за ноги. Но вот мы достигли опушки леса на той стороне и оглянулись назад: останец лежал позади, мерцая в лучах предзакатного солнца, словно заиндевелое зеркало. Затем мы повернулись и хотели углубиться в лес, как вдруг Кордаи жестом остановил нас и показал на деревья футах в тридцати поодаль. Я глянул туда, и незабываемое, поразительно прекрасное зрелище меня совершенно зачаровало.

Казалось, передо мной был вовсе не тропический лес, а кусочек английского ландшафта: не слишком высокие деревья, стройные серебристые стволы, глянцевиито-зеленая листва. Между деревьями поднимался густой невысокий подлесок. И подлесок, и древесная листва золотисто светлели в лучах заходящего солнца. А в кронах деревьев яркими пятнами на зеленом фоне сидело пять рыжих обезьян-ревунов. Это были крупные, плотного сложения животные с сильными цепкими хвостами и печальными, шоколадно окрашенными мордами. Шерсть у них была длинная, густая и шелковистая, какого-то непередаваемого цвета – сочной, ярчайшей смеси медного и винно-красного с блестящим металлическим отливом, который встречается разве что в драгоценных камнях да редко у птиц. Увидев такую яркую расцветку у обезьян, я попросту лишился дара речи.

Стая состояла из гигантского самца и четырех обезьян поменьше, по-видимому его жен. Старый самец был окрашен ярче всех. Он сидел на самом вершине дерева в прямых лучах солнца и весь пылал, словно костер. С меланхолическим выражением на морде срывал он молодые листья и отправлял их в рот. Наевшись, он с помощью лап и хвоста перебрался на соседнее дерево и исчез среди листвы. Блестящая свита самок последовала за ним.

Мы шли под сводами леса вдоль берегов каналов, из которых подавали голос маленькие лягушки, и я клятвенно заверял себя в том, что когда-нибудь у меня будет такая вот лоснящаяся фантастическая обезьяна, пусть даже это приведет меня к полному разорению.

Глава III

Чудовищный зверь и песни ленивцев

Есть в Южной Америке чрезвычайно интересный зверь, зовут его опоссум. Интересен он главным образом тем, что является единственным представителем сумчатых за пределами Австралии. Подобно кенгуру и другим австралийским животным, опоссумы носят своих детенышей в сумке, образованной складкой кожи на брюхе. Правда, у южноамериканских сумчатых этот способ транспортировки, похоже, выходит из употребления: у большинства их видов мешок невелик и используется для переноски детенышей, лишь когда они совсем крохотные и беспомощные, а у некоторых видов он почти исчез и представлен лишь продольными складками кожи, прикрывающими соски. Зато эти последние виды сумчатых освоили новый способ транспортировки: мать переносит своих чад на спине, причем хвосты родителя и детеныша любовно переплетаются. По своему внешнему виду опоссумы похожи на крыс, с той только разницей, что они варьируют размерами от мыши до кошки. У них длинные крысиные морды, а у некоторых видов и длинные голые крысиные хвосты; но стоит только раз увидеть, как опоссум карабкается на дерево, — и вам становится понятной разница между его хвостом и крысиным: хвост опоссума как бы живет своей собственной жизнью, извивается, сворачивается кольцами и в случае нужды цепляется за ветки с такой силой, что животное может на нем повиснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.